

СКАЗКА
о
БѢДНОМЪ КУЗѢ–БЕЗТАЛАННОЙ
ГОЛОВѢ
и
О ПЕРЕМЕТЧИКѢ БУДУНТАѢ.

«А что, ребята, какой нынѣ у насъ день? кто скажеть, не заглядывая въ святцы, не спрavляясь у церковника нашего, ни у тещи его, у просвирни?»

— А нынѣ тринка—волынка—гудокъ, прялка—моталка—валекъ, да матери ихъ Софіи, — отвѣчаль косолапый Терешка, облизываясь.

«А коли такъ», молвилъ свать, «коли праздникъ, то видно быть тому дѣлу такъ: чтобы не согрѣшить, не ухватиться отъ бездѣлья за дѣло, подите—тка сюда, садитесь на солнышко, въ кружокъ, да кладите головы другъ дружкъ на колѣни; сами дѣлайте свое, а сами слушайте!..

Жиль былъ, во землѣ далекой, промежъ чеховъ да ляховъ, стариkъ гусляръ, да старуха гуслярка...»

— И страхъ ихъ не береть, — сказалъ долгополый церковникъ, проходя мимо нашихъ молодцовъ и подпираясь терновой тросточкой своей, — и страхъ ихъ не береть! Хоть бы воскреснаго дня дождались, да и зубоскалии-бъ; такъ нѣть, вишь, и въ будень... погоди, вотъ я васъ! — «Не сердись, дядя Агафонычъ», молвиль свать, «что пути, печенку испортишь; позволь-ка милость твою поспрошать, у васъ коли бываетъ воскресный-этъ день?» — Въ воскресенье, антихристы, — гаркнулъ Агафонычъ.

«Анъ въ субботу», подхватилъ тотъ же молодецъ, «въ субботу передъ вербнымъ, у насъ бываетъ Лазарево Воскресеніе!»

— Вотъ каковъ, и церковника сбиль да загоняль — закричали ребята, заливаясь хохотомъ — ай да письмословъ! а рассказчикъ продолжалъ: «Жиль, говорю, стариkъ гусляръ, да старуха гуслярка. Спросите вы: что-де за гуслярка, коли онъ

играль на гусяхъ, а не она? Сами разумные вы, кажись, знаете, что по шерсти собачкѣ кличка бываетъ, а по мужъ и жену честять; коли мужъ гусяръ, такъ жена, неужто по вашему пономариха? А коли этого про васъ мало, такъ скажу вамъ, молодцамъ молодецкимъ, что и старухѣ намедни прилучилось поиграть на гусяхъ, какъ полѣзла она за рѣшетомъ, да стянула ихъ рядномъ съ полатей — загудѣли сердечные, сказываютъ, вѣчную память по себѣ пропѣли да и смолкли.

До этого грѣха, стариkъ нашъ кой-какъ съ ломтя на ломть перебивался; хотя, правда, родовое добро его, голосъ молодецкій, стала уже отказываться и подламываться о ту же пору, какъ и зубы, промоловъ съ лихвою два-сорока годовъ; но наживное имущество, гусли, все еще служили вѣрою и правдой безволосому и бѣлобородому, утѣшали жителей села Пойщиhi, со проселки, и выселки, и кормили старииковъ нашихъ и сына ихъ, бѣднаго Кузю. Но теперь, послѣ того, когда старухѣ нехотя, какъ сказывалъ я вамъ,

случилось поиграть на гусяхъ этихъ и въ— первый и въ—послѣдній, когда сверхъ того старички, живуши въ сырой, дряблой землянкѣ, захворали, то пришлось было имъ пропадать совсѣмъ. Вотъ они и сложили поскребыши и осколки гуслей своихъ въ мѣшокъ, повѣсили его сыну, бѣдному Кузѣ, на шею, и послали его собирать подаяніе милосердыхъ и жалостныхъ прихожанъ; кто зналъ старика и помнилъ гусли его, тотъ—де не отринеть и теперь, а подасть. Ходить Кузя по міру, и поетъ подъ оконицами пѣсни:

Гляньте, загляньте въ дыряву
котомку:

Дайте, подайте хлѣба ломоть!

Тятька гусляръ, моя мама
гуслярка —

Гдѣ твои гусли, бѣдный Кузя?

Гляньте, загляньте въ дыряву
котомку,

Дайте, подайте хлѣба ломоть!

Разъ какъ—то, въ воскресный день,
бѣдный Кузя нашъ подошелъ позднимъ
вечеромъ подъ свѣтлое оконце брусяной

десятской избы, пропѣль пѣсенку свою, тряхнуль осколышами гуслей въ мѣшкѣ — нѣть отвѣту ни привѣту, а шумъ и тары да бары въ избѣ слышатся большіе. Подошелъ Кузя поближе, вплоть подъ окно; глянулъ — сидять бабы; прислушался — идутъ у нихъ толки о нечистой силѣ, про знахарей, волхвовъ, кудесниковъ, да про кіевскихъ вѣдьмъ. Всего, чего бѣдный Кузя наслушался у окна, пересказывать не станемъ; бабы дуры, подумалъ онъ и самъ, какъ отошелъ, и затянулъ ту же пѣсню свою подъ другимъ окномъ — кто бабѣ повѣрить и трехъ дней не проживеть — одначе долго у него не выходило изъ головы, какъ бабы клялись и божились, что коли кто чары творить, да зажмешь въ это время пальцемъ сучокъ въ стѣнѣ бревенчатой избы, такъ пересилишь его; а еще говорили, что вѣдьму, знахаря, колдуна и всякаго, кто только спознался да живеть съ нечистой силой, можно пригвоздить къ мѣсту и покорить себѣ на животъ и на смерть, коли приколоть булавкой тѣнь его къ землѣ либо къ стѣнѣ:

бѣдняга пропалъ тогда и съ нечистымъ своимъ; будеть моргать очами, да повертываться, что на колу, и наконецъ взмолится: *аманъ!* передъ булавкой твоей, какъ турокъ невѣрный передъ русскимъ штыкомъ!

Бѣдный Кузя рылся какъ–то въ золѣ, въ сору и въ навозѣ, собирая кости, которыя онъ жегъ и продавалъ на ваксу и на разныя снадобья, какому–то засѣвшему въ ближнемъ уѣздномъ городкѣ осколышу наполеоновской арміи, учителю всякой всячины и досужему дѣлателю ваксы и помады, — какъ вдругъ къ нему, къ Кузѣ, подошелъ, отколь ни взялся, цыганъ ли, татаринъ ли какой, поглядѣль на него и присѣль на кучку навоза, будто хотѣль стеречи ее отъ суковатой клюки бѣднаго Кузи. Кузя поглядѣль на него искоса, сталъ опять разгребать соръ поодаль отъ шабра, отъ сосѣда, и смѣтиль, что новый сторожъ, на кучкѣ сидючи, задремалъ. «Кто это?» спросиль тогда Кузя потихоньку шальную Мотрю, которая пасла телять и свиней. — Неужто ты эту собаку

не знаешь? — сказала Мотря шальная, это Будунтай, чортовъ пай, всѣмъ вѣдомый переметчикъ; онъ въ Вяткѣ барсукомъ изъ норы вылѣзъ, въ свояки семи шаманамъ сибирскимъ припился, подъ Чудовымъ въ козла оборотился, въ Вологдѣ свѣчей подавился, да кабы казанскіе татары не сняли съ него шкуры на сафьянъ, такъ бы и свѣтильня за нимъ пропала! Онъ перекинулся въ тройку бѣгуновъ, а изъ нихъ двѣ лошаденки бѣлыя, а одна голая — да и ушелъ на три стороны; ищи его! Вотъ онъ за что и слыветь у насъ переметчикомъ, что перекидывается, собака, во что ни задумалъ!

Бѣдный Кузя оглянулся на Будунтая, испугавшись голосистаго крика шальной Мотри — а ужъ Будунтая и нѣть: на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, лежитъ только камень, а камня тогокажись прежде не было. Кузя застрогалъ деревянную шпильку, подкрался къ камню противъ солнца, да и прикололъ тѣнь камня того къ землѣ. Что-то будетъ? подумалъ онъ. Долго камень лежалъ да отмалчивался, а

Кузя сталъ разгребать подъ нимъ кучу навоза. Тогда и камень не утерпѣлъ: онъ перекинулся пошехонцемъ, въ поршняхъ, въ зипунѣ, съ берестовой котомкой за плечами, и сталъ просить Кузю, чтобы онъ не ругался надъ бѣднымъ, бездомнымъ поденщикомъ, чтобы не подрывался подъ него суковатою клюкою, а вынуль бы колышекъ, на который—де, того и гляди, либо скотина, а не то и прохожій человѣкъ, наступить да напореть ногу. Тогда Кузя нашъ догадался, что Будунтай не даромъ о колкѣ заговариваетъ, и не вынуль его, доколѣ тотъ не посулилъ ему за волю свою любова. «Сокрушилъ меня злодѣй! Проси чего хочешь», сказалъ наконецъ Будунтай, а самого сердце такъ и подмываетъ; потомъ сняль шапку, отеръ потъ съ лица полотенцемъ съ алыми шитками да со владимирскими городочками — и вздохнулъ тяжело, словно въ оглобляхъ.

— Выучи меня своему досужеству, —
сталъ тогда просить бѣдный Кузя.

«Изволь;» отвѣчалъ Будунтай, «отпусти
жъ меня!»

— Нѣть, врешь, обманешь, въ лѣсь уйдешь, — приговаривала шальная Мотря.

«Дай задатокъ», сказаль Кузя; «видно Мотря шальная правду говорить: мужикъ тонеть, топоръ сулить, выташишь, и топорища жаль! дай задатокъ, а не то не отпущу!» Будунтай разгребъ, не вставая съ мѣста, подъ собою кучу, досталъ горсть алтына, золота, и высыпалъ его Кузѣ въ котомку.

— Вреть, обманеть, въ лѣсь уйдеть, — приговаривала опять Мотря. «Все это хорошо», сказаль Кузя, «да этого мало; надо мнѣ тебя затаврить, чтобы ты не ушелъ, да окарнать, для примѣты, одно ухо; пой пѣсни, хоть тресни, а безъ помѣты не пущу; ты не курица, ногавки на тебѣ не навяжешь — давай ухо!»

Будунтай—переметчикъ осерчаль, сталь браниться по своему, по вятски: «Чего *талы*¹⁾ наторащилъ на меня, *блябла*²⁾—те въ ухо, чтобъ тебя *комуха*³⁾ въ *ромухъ*⁴⁾

¹⁾ Глаза.

²⁾ Оплеуха.

³⁾ Лихорадка.

⁴⁾ Тряпица.

свернула! Чтобы тебя *urosа*⁵⁾ въ *вицу*⁶⁾ изсушила, да *шоры*⁷⁾ и *сильки*⁸⁾ пупочки съ тебя посклевали! Бери ножъ»,, сказалъ онъ наконецъ, «да рѣжь ухо!»

— Нѣтъ у меня ножа, — отвѣчалъ Кузя, — доставай свой, не то зубомъ грызть стану!

Будунтай сняль съ пояса складной ножъ, раскинулъ его, подаль Кузѣ и подставилъ правое ухо.

— Лѣвое давай, собака, — сказалъ Кузя, — не даромъ что–то ты его отворачиваешь!

Будунтай подставилъ и лѣвое. Кузя ухватилъ ухо, перегнуль его, какъ сгибаютъ сапожный товаръ, когда клюшву выкраивають, вырѣзалъ и ускорнячокъ угломъ, положиль лоскуть въ котомку, гдѣ лежали гусли, и выдернуль изъ земли колышекъ. Будунтай только крякнуль, всталъ, встряхнулся, въ чернаго пѣтуха обернулся и приказалъ Кузѣ приходить въ самую полночь за село, на распутье, гдѣ

⁵⁾ Упрямца; это испорченное татарское *urosа*, русскій. И поляки говорять: uparty, jak Moscal.

⁶⁾ Хворостина.

⁷⁾ Индѣйки.

⁸⁾ Цыплята.

дороги разбѣгаются: въ лѣсъ, на водопойное озеро, да на кладбище. Самъ взмахнулъ крыльями, перекинулся рябой сорокой и полетѣлъ, какъ сороки летаютъ, поджимая крыльшки подъ мышку, да все прямо, что изъ лука стрѣла.

Бѣдный Кузя пришелъ домой, высыпалъ старикамъ своимъ пригорсть золота, сказалъ, что богатый человѣкъ береть его въ услуженье да въ ученье, и вотъ прислалъ—де имъ задатокъ. — Старики порадовались и потужили; сынъ покинулъ имъ отставные гусли, и пошелъ въ полночь на перепутье.

Прислонившись къ верстовому столбу, прождалъ онъ уже долго, стало время за полночь, а Будунтая нѣть. Кузя сказалъ про себя: «Не даромъ видно Мотря честила тебя; видно знаетъ она дружка! Ну да меня теперь не проведешь, отъ меня въ лѣсъ не уйдешь!» Самъ вынуль ухо Будунтая и укусиль его зубами. Столбъ, у котораго стоялъ бѣдный Кузя, взвизгнулъ по верблюжьи и закачался. Кузя отскочилъ въ

сторону, поглядѣль на версту, на столбъ: «кой черть! ты что ли это, Будунтай?»

— Я! да чтожъ ты кусаешься, знакомъ? — сказалъ пѣгашка-столбъ; пойдемъ, что съ тобой дѣлать, пойдемъ ко мнѣ въ науку: да только, гляди, теперь ты мнѣ слуга, поколѣ не выучишься всему досужеству моему, отъ аза до ижицы! — «А тамъ что», спросилъ Кузя, «какъ выучусь?» — А тамъ, — отвѣчалъ Будунтай, — на свой пай самъ промышляй; беркнуть пискленка кормить, а орла не кормить.

Будунтай взялъ его и продержалъ въ наукѣ довольно долгое время. Какъ онъ училъ его своему художеству? спросите — да вотъ какъ; выдернетъ у него руки, ноги, самого въ комъ свернеть — вотъ вамъ качанъ капусты; запустить ему руку въ глотку, по самое плечо, ухватить тамъ за что ни попало, вывернетъ наизнанку — вотъ вамъ ни то ни се, ни чортъ знаетъ что. Такое ученье бѣдному Кузѣ наскучило и надоѣло; онъ сталъ проситься домой, увѣряя, что онъ уже всю науку прошелъ и

всему научился. Будунтай—переметчикъ позвалъ стариcovъ, родителей его, вывелъ имъ трехъ коней и спросиль: «который вашъ сынъ?» Стариkъ поглядѣль да и указалъ, на удалую, на авось, среднюю. «Нѣть», отвѣчалъ Будунтай, «знать сынъ твой не доучился. Поди и приходи черезъ полгода.»

Вы знаете, ребята, что ждать полгода долго, страхъ долго; а между тѣмъ, оглянись назадъ, его уже и нѣть!

Стариkъ пришелъ въ срокъ, а Кузя както тихомолкомъ шепнуль ему, «укажи—де на ту кобылу, которая будетъ вертѣть хвостомъ.» Но Будунтай вывелъ ему трехъ куцыхъ куропатокъ и велѣль узнать сына. Стариkъ указалъ опять на какую попало — и не угадалъ. Кузя извѣстилъ отца, что въ слѣдующій разъ будетъ оправлять носомъ перышки на шейкѣ — а Будунтай вывелъ опять коней. Средній махнулъ однакожъ хвостомъ, стариkъ его узналь и взяль выученаго сына домой. «Возьми его», сказаль переметчикъ Будунтай, «да слушай: береги его какъ око свое; если жъ

понадобятся тебѣ деньги, то вели сыну оборотиться въ коня, веди на базарь и продавай: да только смотри, узечки съ нимъ не отдавай, а сыми, да неси домой, такъ и онъ дома будетъ.» Колдунъ махнулъ рукой и пропалъ, словно сквозь землю провалился; — а лошади оборотились въ людей: вороной жеребчикъ въ Кузю безталанного, рыжая кобыла въ шальную Мотрю, а чалый меринъ никакъ въ тебя, Терешка!

Старикъ пришелъ съ сыномъ домой, дождался торговаго дня; Кузя оборотился конемъ, отецъ повель его на базарь, продалъ, накупилъ сладкаго и горькаго, квашенаго и соленаго — а онъ виши держался русской поговорки: пей кисло, да ъшь солено, такъ и на томъ свѣтѣ не сгніешь. — Накупивши всего, чтобы было чѣмъ полакомить и старуху свою, пошелъ домой, а Кузя, его сынъ, безталанный, дорогою его нагналь и они опять оба вмѣстѣ, разсмѣявшиясь да порадовавшиесь, какъ ни въ чемъ не бывали, воротились домой.

А ушель нашъ Кузя отъ новаго хозяина
своего воть какимъ дѣломъ: ржевскій
мѣщанинъ, барышникъ, прѣхавшій въ нашу
сторону закупать лошадей, чтобы тамъ
гнать ихъ на лебедянскую ярмарку,
сторговалъ и купилъ у старика гусляра
караковаго коня, четырехъ лѣтъ, трехъ съ
половиною вершковъ, безъ тавра и безъ
отмѣтинъ, поспорилъ было съ хозяиномъ за
то, что этотъ, поупрямившись, не хотѣлъ
передать ему, какъ водится, поводъ
новокупки изъ полы въ полу, а съ коня, не
по обычаю, сняль недоуздокъ — извѣстно,
что корова покупается съ подой никомъ, а
конь съ недоуздкомъ — наконецъ,
однакоже, чтобы не упустить сходной
покупки, на все согласился и заплатилъ
гусляру деньги. Не успѣлъ этотъ отйти, а
ржевскій барышникъ оглянулся на бойкую,
голосистую торговку, съ которой тѣмъ
часомъ молодой калмыцкій жеребчикъ
стянуль зубами головной платокъ, какъ
народъ, обступивъ нашего коновала и
барышника, сталъ хохотать и указывать на
него пальцами. Ржевскій мѣщанинъ

оглянулся назадъ — у него въ поводу не конь, а человѣкъ. Что тутъ было шуму, крику, браны, божбы и смѣху — весь базарь расходился; казаки отняли у рыжаго коновала бѣднаго Кузю; этого отпустили, а того прозвали полуумнымъ. Хотѣлъ онъ было идти просить — да къ кому пойдешь, и на кого? Но это слышь не все, а была еще потѣха вотъ какая: крымскій цыганъ, подкочевавшій на базарь съ походною кузницею и увидѣвшій, что приключилось со ржевскимъ коноваломъ, разсудилъ, что Кузькино ремесло не плохой хлѣбъ и что не худо бы попытаться перенять у него доброе дѣло; загадано, сдѣлано; цыганъ продалъ тому же барышнику клячонку свою, а потомъ укралъ ее у него же изъ рукъ, передалъ товарищу, а самъ надѣль на себя недоуздокъ. Когда же барышникъ нашъ оглянулся, и снова увидѣль, что ведеть въ поводу не коня, а живаго человѣка, только другой масти, смураго цыгана, то плонулъ, кинулъ поводъ, перекрестился, прочель: съ нами крестная сила и помилуй мя Господи! — уѣхалъ съ

базару, и съ той поры въ Черкасскъ болѣе ни ногой. Ну его, рыжаго, къ семи Семіонамъ, обойдемся и безъ барышниковъ! Только, окаянные, цѣны портятъ, съ чужаго добра сбиваются, на свое наносять да набиваются, а проку въ нихъ ни на волосъ!

Дождавшись другаго базарнаго дня, гусляръ нашъ опять вывелъ лошаденку на продажу. На грѣхъ навязался какой-то шестипалый пройдоха, подпоилъ нашего старика, присударивалъ да присударивалъ и купилъ у пьяного гусляра коня и увель его совсѣмъ, съ недоуздкомъ. Старикъ пришелъ домой, проспался, спохватился, да ожидаетъ сына своего, чуть ли не понынѣ.

На этотъ разъ купилъ Кузю безталанного самъ Будунтай. Первымъ дѣломъ Будунтая было отрѣзать у новокупки лѣвое ухо, на обмѣнъ, на выкупъ своего, котораго иверень о-сю-пору еще оставался за Кузею. Размѣнявшись, оба они стали съ ушами; да ужъ отнынѣ, хоть и былъ Кузя по прежнему мастеромъ науки, въ которой

искушался на выучкѣ у Будунтая, не стало ему однаже болѣе по прежнему власти надъ учителемъ своимъ, а долженъ былъ Кузя поневолѣ ему покориться.

Будунтай, изморивши да загонявши коня новокупленного до бѣла мыла и задавши на немъ концевъ десятокъ другой по городу, прискакаль домой — а домъ у него стояль въ чистомъ полѣ невидимкою — и привязаль лошадь подлѣ тыну. Никакъ у тебя, Лукашка, кобыла была, изъ Гукеевской орды, что не терпѣла на себѣ въ стойлѣ недоузда: бывало какъ ни пригонишь на нее оброть, какъ ни подтянешь его пряжкою, она дотолѣ чешется, доколѣ не скинетъ его съ головы долой. Кузя безталанный у нея знать наострился: только что Будунтай въ избу, а онъ ну чесаться щекою, задравъ голову къ верху — задѣль недоуздкомъ за коль плетня, да и стащилъ ее долой съ головы, черезъ уши.

Мальчишка, сынъ Будунтая, увидѣль это, на дворѣ стоя, и побѣжалъ сказать отцу. Тотъ, выскочивъ, пустился въ погоню

за конемъ, и тутъ-то пошла потѣха: Кузя, видя, что лютый барсъ его нагоняетъ, ударился объ землю перекинулся бѣлымъ кречетомъ и взмылъ по-надъ крутымъ берегомъ рѣки. Будунтай ударился на него сизымъ беркутомъ; Кузя ринулся клубомъ объ берегъ, перекинулся пискаремъ и соскочилъ въ воду. Будунтай, таки прямо какъ мчался за нимъ, комомъ грянулся объ воду, распластавъ высокій валъ на двое, и щукою зубастой насьль на хвостъ мелькавшаго серебряной чешуйкой пискарика. Кузя бѣдняга вынырнулъ стрѣлою изъ воды, сдѣлалъ, собравшись съ послѣдними силами, скачокъ въ маховую сажень, обернулся въ золотое колечко и подкатился подъ ноги гулявшей въ тѣ поры на муравкѣ побережной, княжны Милолики, дочери владѣльца той земли. Княжна Милолика подхватила колечко, надѣла его на пальчикъ и съ радостнымъ удивленіемъ оглядывалась вокругъ. Будунтай вынырнулъ гусемъ лапчатымъ изъ воды, выплылъ на берегъ, встряхнулся, оборотился въ купца кашемирскаго,

подошель къ княжнѣ и стала просить убѣдительно, отдать ему потерянное имъ колечко. Княжна испугалась густой черной бороды и воровскихъ, карихъ очей да сурменыхъ бровей и чалмы кашемирца, закричала и прижала колечко къ груди своей. Сѣнныя дѣвушки да подруженьки набѣжали, окружили младую княжну свою, кинулись всѣ на неотступного бородача и начали его щекотать безъ пощады, до того, что названный гость хохоталъ и кашляль и плакаль и чихалъ, и ногами и руками лягался, и спопомъ овсянымъ по муравѣ катался, да такая надъ нимъ бѣда прилучилася, что позабылъ было всю науку свою, черезъ великую силу опамятившись, оборотился онъ мигомъ въ ежа, отъ котораго дѣвушки, поколовъ алые пальчики свои, чуть ли не до крови, съ крикомъ отскочили. Пастухъ, прибѣжавшій на крикъ и шумъ, взмахнулъ долгимъ посохомъ своимъ и ударилъ свернувшагося тугимъ клубомъ ежа, и ежъ разсыпался калеными орѣхами; запрыгали орѣшки по землѣ, а дѣвки кинулись ихъ подбирать, да

опять таки съ крикомъ отскочили, побросавъ все, что захватили въ лайковыя ручки свои: орѣшки не тѣмъ отзвались, это были раскаленныя ядрышки и барышни наши пообжигали себѣ пальчики.

— А я бы рукавицы надѣль, да подобралъ — сказалъ косолапый Терешка.

«Знать ты уменъ чужимъ умомъ; ты и въ Кіевъ дойдешь, коли люди дорогу укажутъ», отвѣчалъ сватъ; «а самъ ты, братъ, и лапы обжегши, не очень бы догадался, какъ управиться; чай стояль бы, вытуливъ очи, да поглядывалъ бы на диво дивное, что красноносый гусь на татарскую грамоту!»

Княжна показала царственнымъ родителямъ своимъ ненаглядное колечко, да испросила позволеніе любить его и не сымать съ пальчика своего ни день, ни ночь. Какъ только осталась она одна, то и начала играть колечкомъ: надѣла его на тонкій шитый платочекъ свой, и забавляясь покачивала, да перепускала по платочку отъ конца до конца. Вдругъ колечко какъ-то упало, покатилось, разсыпалось, и —

казакъ—молодецкая душа, Кузя безталанный, стояль передъ княжною. Онъ убрался на этотъ разъ въ малиновый бархатъ, да въ тонкое синее сукно. Никто въ палатахъ царскихъ не слыхалъ разговоровъ его — княжна однакоже вышла къ браному столу и грустна и радостна, и опять таки съ завѣтнымъ колечкомъ на рукѣ. Она сказала только батюшкѣ, что сего—дня—де навѣрное опять явится тотъ страшный купецъ, кашемирская борода, и будетъ просить выдачи колечка, и умоляла отца не отбирать у нея этого сокровища. Когда же и въ самомъ дѣлѣ по вечеру явился купецъ, у котораго все еще не прошла икотка, послѣ вчерашней щекотки да хохотни, когда пришелъ, говорю, кашемирецъ, за потеряннымъ, будто бы, на берегу рѣки колечкомъ — то царь—отецъ позвалъ дочь свою и приказывалъ отдать купцу кольцо: «намъ чужое добро таить—дескать не идетъ.» Княжна отвѣчала, что не смѣеть ослушаться дорогаго родителя своего, но и не можетъ передать мужчинѣ колечко изъ рукъ въ руки; а поэтому и

кинула его на полъ, пусть-де не прогнѣвается да самъ подыметъ. Но колечко разсыпалось мелкимъ жемчугомъ; купецъ живо встряхнулся, перекинулся чернымъ пѣтухомъ и началъ проворно подбирать жемчужинки; а подобравши всѣ, взлетѣлъ онъ на окно, захлопаль крыльями и закричалъ пѣтухомъ: «*Кузя—гдѣ—ты?*» да за словомъ и выпорхнулъ въ окно. Но княжна, которую нашъ Кузя видно напередъ уже подучилъ да настроилъ, кинувъ колечко, уронила въ тоже время, будто невзначай, платокъ свой, да имъ и прикрыла одну самую крупную жемчужинку. Она-то вдругъ выкатилась теперь изъ подъ платка, отвѣчала на спросъ пѣтуха, словно пѣтухомъ же: *а—я здѣсь!* и ринулась соколомъ изъ окна; грянуль соколь съ налету — только шикнувъ крыльями по воздуху — грянуль клубомъ въ чернаго пѣтуха, подпороль ему заборнымъ ногтемъ лѣвый бокъ, да черконулъ по лѣвому крылу, помяль и поломалъ всѣ перья правильныя; упаль камнемъ пѣтухъ за мертвое въ крутоберегій

потокъ и понесло его волною внизъ по рѣкѣ, по зеленой водѣ. Почекнѣла и побагровѣла вода отъ пѣнистой крови; а подрѣзанное лѣвое крыло вскинуло и подняло вѣтромъ, оно и запарусило туда жъ по пути, внизъ по рѣкѣ, поколѣ не завертѣло пѣтуха встрѣчнымъ теченьемъ, въ заводи — тамъ, сказываютъ сомина, чортова образина, имъ было подавился, да нѣть, справился, проглотилъ; не подавится онъ, чай, и самимъ сатаной, не токма конемъ его подсѣдельнымъ.

Соколь взмылъ надъ теремомъ царскимъ, впорхнулъ въ широкое окно, сѣль на руку княжны своей и поглядывалъ на нее ясными, разумными очами. Въ это самое время черный пѣтухъ испустилъ дыханіе свое, а ясный соколь спорхнулъ на полъ и предсталъ въ томъ же видѣ, какъ колечко давича передъ княжною: перекинулся молодцомъ молодецкіимъ. Со смертю Будунтая, Кузя лишился, правда, силы и умѣнья перекидываться и принимать иной образъ, да и не тужилъ ужъ объ этомъ; живучи въ довольствѣ и въ

богатствѣ съ супругою своею, бывшею княжною Милоликою, вскорѣ наслѣдоваль онъ престолъ царскій, жиль да княжиль, правиль да рядилъ, солено ъль, да кисло пиль, стариковъ своихъ, гусляровъ, поиль да кормиль, а Терешкѣ косолапому велѣль братчиной да складчиной, насыпать песку за голенища! Держите его, дурака, ребята, держи его!»

В. ДАЛЬ